

ВЕЛИКАЯ КУЛЬТУРА ЛЕНИВОГО НАРОДА

Александров Н.Н.

Как известно, А. Конан Дойл написал всю серию о Шерлоке Холмсе между делом. Он считал куда более важным своим достижением исторические и фантастические романы, но, честно говоря, перечитывать их второй раз не очень-то тянет. Между тем “несерьезные” рассказы и повести о великом сыщике перечитываются как-то сами собой. Примерно в таком же положении оказываюсь и я, производя на свет одну за другой статьи из этой серии. Приятно осознавать, что, в отличие от Конан Дойла, я не испытываю по отношению к ним раздражения, что, мол, они отвлекают меня от самих рукописей – дела весьма скучного, как всякой науки. При этом я думаю: мало ли как может дело обернуться! Кто прочтет толстые трактаты – только профессионалы, а в этих беглых заметках фиксируются любопытные со-мысли на пути к истине (по аналогии: “со-бытие”). Может быть, останутся именно они, а не сухие ученые тома. Пример автора Шерлока Холмса доказывает, что все может быть.

О некоторой жуткости Николая Васильевича

Кто из нас не зачитывался произведениями Н.В. Гоголя? Все в нем просто, крепко и ясно, так, что даже удивительно, что этого писателя можно по-разному трактовать. Припоминаются статьи Белинского и Добролюбова, которые увидели в нем горькую “критику нелепостей русской жизни” первой трети прошлого века. Но феномен Гоголя занимал умы русских литераторов и в конце XIX-го века, правда, в совершенно ином духе. Что касается В. Розанова и А. Белого, то эти писатели обращали внимание на полное отсутствие у Гоголя положительного героя. Если вспомнить, что во второй, сожженной, части “Мертвых душ” Гоголь попытался (и не смог!) вывести тип положительного помещика, то становится ясно, что его талант был очень специфическим. Художественный мир, состоящий из одних отрицательных героев... Переройте

всю мировую литературу, а подобного не обнаружите. Конечно, это не весь Гоголь, есть в нем и кое-что иное, но именно это уникальное качество, присутствующее в ключевых произведениях классика, Н. Бердяев называет “жуткостью”.

Школьная литература нашего времени преподносила нам некоего развеселого Гоголя, с его “жартивлывым гумором”, как говорят украинцы. Но даже в ранних произведениях с кузнецом Вакулой уже просвечивают вполне святочные жуткости: то с летающими варениками, то с чертом. Странное и загадочное, не объясненное до сих пор, буквально пронизывает все его творчество. Летающие мертвецы, вампиры, злые силы и даже само название поэмы “Мертвые души” – очень мало похоже все это на сатиру. Истину глаголил философ: жуткость обнаруживается. И уж никак не для развлечения ввел ее в обиход великий писатель: не тот у него масштаб. Между тем и сама судьба его, и многие странные истории вокруг его имени отдают страшной трагедией. По одним сведениям, он страдал некрофилией, по другим – заснул летаргическим сном и был похоронен заживо, что обнаружили при его перезахоронении. Если даже это и слухи, то слухи весьма необычные, ни к какому другому классическому не приписываемые.

В статье Н. Бердяева “Гоголь в русской революции” мысль о творчестве писателя доводится до философского тезиса: “Гоголевская Россия не есть только дореформенный наш быт, она принадлежит метафизическому характеру русского народа и обнаруживается в русской революции”. Здесь и раскрывается философская тайна, которую иносказательно хотел донести до нас Гоголь: эта жуткость, вылезаящая из всех пор, принадлежит не его выдуманным героям, а характеру и судьбе русского народа. Бердяевское открытие Гоголя можно было сделать только в страшном 1918 году, и оно оказалось пророчеством: чудовищные гоголевские образы очень скоро ожили в новой России в куда более страшном качестве. Самое страшное зло, сотворенное ими, состоит даже не в

истреблении массы народа, что всегда само по себе кошмарно. Оно состоит в том, что они сумели привить людям ложь как основу жизни. Умершие не воскреснут (а может, и воскреснут), а вот ложь ведет в тупик нас в нашем будущем, вводит в нравственный вечный ад. Лишение будущего равносильно смерти целого народа – до этой ступени жуткости не додумался бы даже сам Николай Васильевич.

Между прочим, смерть Гоголя и смерть Сталина отстоят друг от друга на одно столетие, с разницей в пределах года.

Прогрессисты и проповедники

Известная нам история всегда преподносилась как история положительная, история движения вперед, прогресса, накопления добра. Но кто сказал, что зло не прогрессирует вместе с добром? Кто сказал, что и оно не накапливается, не имеет своей истории? Пожалуй, за одну пятилетку с начала перестройки мы познакомились с такой спрессованной историей зла, что ни один народ в мире этого не выдержал бы. А наш почему-то пережил этот ментальный шок тихо, даже как-то привычно: мол, и не такое бывало. Что правда, то правда, нас старательно тренировали, обливая грязью каждого скинутого вождя. Но этот период истории перещеголял всех: он вычеркнул у многих не какой-то там период, а всю предыдущую жизнь. Перевернутый вверх ногами мир встал на ноги, хотя только история может в конечном счете это подтвердить.

Так или иначе, но данный этап заново поставил перед каждым из нас извечный нравственный вопрос: как относиться к злу, бывшему и грядущему? Выброшенные учебники коммунистической морали и нравственности покрывают свалки: или они устарели, или новое – это очень основательно забытое старое. Все бросились читать Библию, одно время это был прямо-таки бестселлер. Те, кто прочли впервые, обнаружили, что христианство учит

странным вещам. Чего только стоят ключевые слова Христа: если тебя ударили по левой щеке, подставь и правую; кто хочет отнять у тебя верхнюю рубашку, отдай ему и нижнюю. Они плохо звучали в голове, когда очередь сдавливала тебя до ощущения непрочности ребер. Мы прочли заново, что Лев Толстой проповедовал непротivление злу насилieм – и породил “непротivленцев”; видимо, так он понял слова Христа в своей нелегкой офицерско-графской жизни. Но и это не укладывалось в голову в переполненном автобусе, что-то мешало принять идею непротivления на кухне коммуналки. Тогда обнаружилось, что Христос говорил, кроме всего прочего, и другое: “Не мир я вам принес, но меч”. Это было как-то ближе, ведь в советское время широко бытовало выражение (приписываемое М. Светлову), что добро должно быть с кулаками. Два евангельских тезиса вроде бы друг другу противоречат, понять и принять их вместе с непривычки сложновато. Но это еще что: как рассказывал эмигрировавший в Израиль писатель, он что-то там начал говорить о правой и левой щеке, а ему ответили: мы тут живем по Старому Завету – око за око, зуб за зуб. Так что бывший советский человек везде находится в одной и той же ситуации нравственного выбора – поди разберись, “что такое хорошо и что такое плохо” в новые времена.

Попробуем разобраться, откуда что берется. Посмотрим на опыте других. У нас очень любят начинать с опыта американцев, начнем и мы. В 40-е и 50-е годы там в большой моде была так называемая “мозговая атака”, методика, в которой есть очень продуктивный тезис: не критикуй, если хочешь получить от людей новые идеи. Расширим этот тезис до жизненной позиции, которая обнаруживает себя в ряде философских учений: не борись со злом, накапливай доброе, накапливай знание. Говоря просто, глупо тратить жизнь на кухонные и национальные розни: она дана нам для восхождения к вершинам. Если брать предельно обобщенно, то этот тезис пронизывает все религии мира, – вы не задумывались, почему? Ориентация на положительное обнаруживается и в

очень популярных одно время книгах Дейла Карнеги. Он говорит во многих вариантах, по сути, одно и то же: не критикуй, ищи в других только хорошее, не создавай конфликтов, не плоди зла. Все его тезисы состоят из запретов, как из запретов же состоят и заповеди Моисея, и заповеди Христа. Своих прагматичных читателей Карнеги призывает находить успокоение... в молитве. Это бизнесменов-то, этих акул капиталистического рынка, он призывает по вечерам общаться с Богом – просто в голове не укладывается! Тем не менее, о Рейгане, например, было известно, что он религиозен. И вообще деловые американцы – одна из самых религиозных наций, как доказывает их статистика. Итак, опыт американцев по решению интересующего нас вопроса в рамках их науки, обожающей давать практичные рекомендации, совпадают с рекомендациями самого Иисуса Христа. Другой вопрос: совпадает ли с ними практика жизни? На это ответить сложнее, но мы постараемся.

Деловитость и рациональность не обязательно совпадают. Религиозность и прагматичность друг другу не помеха – это для нас пока странно. Но рационалисты ли мы вправду, как прикидываемся?

Вот интересная мысль того же Н. Бердяева: в рациональном сознании нам не дана сущность, ибо только внерациональным путем мы ее постигаем. Каким образом? На этот вопрос отвечает апостол Павел: “Вера – это очевидность того, чего мы не можем видеть”. Поскольку мы наблюдаем сосуществование вещей, как нам казалось, взаимоисключающих, то тут сама собой возникает мысль о возможности синтеза этих двух ветвей человеческой культуры, хотя бы в некоторой области. Как раз на грани веков, когда формировались взгляды Н. Бердяева, русские теософы вовсю заговорили о необходимости нового синтеза науки и религии. Теософское движение брало на себя миссию синтеза, но как-то растворилось уже в 30-е годы нашего века.

В момент написания этой статьи в Москве впервые за столетие снова появилась выставка мадам Блавацкой, признанного лидера теософии (а к

моменту опубликования этой статьи почти все известные ее работы были широко изданы и даже успели примелькаться – вот такое ускорение в цикле 1985–96 годов). Эта весьма оригинальная женщина называла себя медиумом – и в значительной части ее текстов это чувствуется. Феномены подобного рода медиумов не редкость в истории, особенно в истории искусства. В 60-е годы их место занимали Битлз; Д. Леннон сказал в одном интервью: “Мы были как медиумы в спиритическом сеансе, мы говорили за все свое поколение”. Двадцатилетних юношей без особого образования с задворок провинциального Ливерпуля слушала вся планета – значит, было что слушать. В полную растерянность были повергнуты даже маститые литераторы, когда вручали премию Королевской Академии по литературе лидеру этой группы, Джону: налицо был весьма своеобразный литературный текст, написанный “волосатым рок-гитаристом”. Литературные критики сравнивали его по сложности с Джойсом и Кафкой, а Леннон и имен-то таких никогда не слышал. Для медиумов очевидно все, что они говорят, это и есть та самая очевидность веры, о которой сказано у апостола.

Вся мировая наука европейского типа не ответила (поскольку никогда и не отвечала) на вопрос о цели бытия. Она охотно расследовала все, что отвечает на другой вопрос – вопрос “как?”: как устроена материя, общество, человек, как они движутся, как их можно изменить для своих человеческих целей? Но зачем они, зачем возникли, зачем движутся, зачем мы их меняем с пользой для себя? – это запрещенные вопросы в европейской науке. Он подменен у нас вопросом о свободе. Человечество уже попыталось осуществить свою свободу, преследуя свои прагматичные цели: мы перешли порог экологического кризиса, хотя не хотим себе в этом признаваться. Мы устали от балансирования паритета вооружений, нас предупреждают и Чернобыль, и эпидемия СПИДа, а мы сирен тревоги не слышим. Самоуверенность потребительского общества ничуть не пошатнулась с тех пор, как было вычислено: если все страны мира начнут

потреблять на уровне США, то истощение ресурсов Земли наступит... сто лет назад. Это значит, что уже сегодня хваленое потребительское общество живет за счет наших с вами детей, а мы-то всячески обсуждаем, как бы и нам приобщиться к эдакому земному раю. На простаков неотразимо действует жвачка американской поп-культуры, им хочется “пожить”. Ан нет, ребята, много вас таких – рая не будет. Все не могут жить хорошо, ваше место – сырьевой придаток и свалка радиоактивных отходов. Не ходите чужими путями, ох, не ходите. Ибо путь России – иной путь, о чем не уставали повторять все русские мыслители, писатели и поэты. Но “нет пророка в своем отечестве”.

Возвращающаяся русская культура уже успела оказать воздействие на весь мир, кроме нас. Мы очень долго учили марксизм-ленинизм и очень недолго – все, что на нас сейчас обрушилось. Немудрено, что прочесть мы успели, а вот впитать – вряд ли: если слишком обильно поливать почти засохшее дерево, оно сгниет на корню. А у нас именно так – то густо, то пусто. Между тем надо заметить, что мир напряженно ждет, когда мы сами освоим свою культуру и сделаем первый шаг в ее развитии. Ибо, кроме нас, по пути нашей культуры не сможет пойти никто – вот такой парадокс.

Миф о загадочной русской душе создала в восприятии Запада великая русская литература XIX-го века, творчеством Тургенева, Толстого и Достоевского. Пусть не нашими усилиями, а усилиями наших предшественников, но у всей русской культуры постепенно сформировался свой особый имидж в мире. Вряд ли стоит размахивать старыми лозунгами о пассионарности, о роли России как “народа-богоносца” и так далее, но имеющийся в наличии имидж – это отражение реального места нашей культуры в мировой: русские снабжают мир идеями и учениями, оставаясь при этом не в самом выгодном положении. И, увы, тут гордиться абсолютно нечем. “Русский народ по преимуществу талантливый, но ленивого ума” – этот приговор Ленина. И как умудрился этот народ с ленивым умом первым выйти в космос?

Мы не одиноки, и это радует

Исторически рядом живут китайцы и индийцы: первые насквозь прагматичны и деловиты, вторые, по китайским понятиям, “ленивы.” Но вот что интересно: Китай, со своей прагматичностью, все еще в массе своей остается на уровне развивающейся страны, а именно эти “ленивцы” из Индии создали великую философию, неповторимое искусство и ту особую статичную духовность, которую мы по незнанию приписываем всему восточному. Тому, кто уже способен отличить нормативно-бюрократическую философию древнего Китая (в конфуцианском варианте) от древних философских поэм Индии, понятно язвительное выражение: “Девушка может петь о потерянной любви, скряга не может петь о потерянных деньгах”. В этом изречении – судьба Индии и Китая, выбор истории. В один и тот же период в этих странах произошли два события. Китайский император, строитель Великой китайской стены, в первую очередь уничтожил искусство и науку как “непонятные народу” – какая знакомая формулировка, но так – в подлиннике! А его современник, император из Индии, отказался от завоеваний, ибо “для этого надо было убить 100 000 человек, и сердце мое содрогнулось”. Содрогнувшийся император вместо воинов стал посылать в соседние страны буддийских монахов, которые проповедовали добро и правду.

Просвещение внесло в мировую копилку мысли идею “прогресса”. И никакие последующие уточнения, что прогресс всегда относителен, уже не помогают, отныне прогресс – это хорошо, и точка. История доказала, что подобным образом понимаемый прогресс всюду прокладывал себе путь мечами и насильственной “машинизацией человека”. Ни один молох не потребовал столько жертв, сколько этот страшный идол – Прогресс. И ради чего, спрашивается? Чтобы на вершине пирамиды мирового прогресса находилось евро-американское “общество потребления”? Имело ли смысл выдерживать столько битв, чтобы потом потреблять, потреблять и еще раз потреблять? Если

жизнь в Америке – такая жвачка, как показывают у них в фильмах и как убеждаешься при встречах с американцами обоих полов, то битва за прогресс была напрасной, если не губительной для человека. И зря Колумб открыл Америку – пусть лучше бы там продолжали жить индейцы. Но это – “китайская” линия мирового прогресса.

Однако есть и вторая, индийская, линия: это – прогресс нравственный, он движется путем любви и добра. Тут кольтами и виски не обойтись, ведь менять нужно не внешний мир вокруг людей, а мир внутри себя. Со времен увлечения Джорджа Харрисона индийской культурой эта струна зазвучала в творчестве Битлз. Великая музыка всех времен и народов – это всегда линия добра. Вспоминается их знаменитая песня – гимн 60-х: ”Все, что вам нужно, – это Любовь”. Тогда же приобрели популярность провозвестники единой мировой религии на Западе. В этой области разобраться трудно, но интернационализм (и, если угодно, космополитизм) – вопрос времени, вопрос развитости мирового сообщества. Можно говорить о религиях в целом, они есть единое в основе учение, возможно, даже по происхождению единое. Отсюда – самое нелепое в истории: межрелигиозные распри и войны, уничтожение иноверцев. Зигзаги на этом пути еще будут при нашей жизни, но мир объективно движется к единству, в том числе и к единой религии. Подведем итоги: нравственность есть способ организации общества, ориентированный на будущее. Мы на своем опыте выяснили, что всякие там формации значения не имеют, зато имеет значение нравственный прогресс общества.

В популярной в 70-е годы на Западе книге “Чайка по имени Джонатан Ливингстон” описано восхождение души чайки, аллегории души человеческой. Но вот что любопытно: эта книга читалась и в СССР, но как-то не очень. Она не дотягивала до тех образцов, которые тогда читали мы.

Не свет, а покой

Существует расхожее определение – “роман века”. Как ни крути, а для нашей интеллигенции таковым является “Мастер и Маргарита” Булгакова. Как всякое великое произведение, этот роман полон загадок. Но без загадок и недосказанностей современная литература просто не существует – романы Джойса проводят эту линию принципиально и последовательно: это – книги загадок. По тому же пути идет не только литература: фильмы Феллини, Бергмана и Тарковского – это цепь загадок, которые непосвященный не воспринимает. Подобное искусство часто называют элитарным, не для профанов. Но Булгаков сочинил роман века, в котором кроме загадок есть еще и все остальное: понятное, смешное, трагическое, прекрасное и отвратительное – жизнь. Да, жизнь-то жизнь, но какая специфическая! Мы и не замечаем, что попеременно проникают друг в друга три ее уровня: тьма и ее силы, свет и его силы и реальность. Помните, мы уже упоминали о чем-то подобном?

До сих пор исследователям не ясно, кто же главный герой, ну не Иван же! Может быть, Мастер, а может быть, в романе – два героя: Мастер и Маргарита? Откуда само звание Мастера? Здесь – целые две загадки: “мастер” есть достигший некой ступени, но эта ступень не высшая. Об этом свидетельствуют глава “Судьба Мастера и Маргариты определена” и ее итог: влюбленные получают “не свет, но покой”, вечное пристанище. Не свет потому, что герой – “мастер”, а не учитель, не пророк, дошедший до света, и, видимо, малость греховный. В старорусском языке мастером называли к тому же учителя, преподававшего по церковным книгам, знатока Евангелия. А ведь булгаковский Мастер пострадал именно по этому поводу: он написал роман по евангельскому сюжету.

Наконец, в романе есть ниточка, протянутая к одному из великих русских философов прошлого, – Григорию Сковороде. Это – один из прототипов

Мастера в двух ипостасях: он знаток Библии и личность, достигшая неких вершин.

Сковорода является создателем теории “трех миров” – это именно то, что мы и обнаруживаем в романе. Конечно, у Сковороды были предшественники – манихейцы, а еще раньше школа гностиков: ниточка протягивается в античность, а там уже видны сложные связи европейской философии с восточной.

Главный мир – космический, Вселенная. Его в романе представляют Воланд и его свита. О нет, он не демон зла (“Я та сила, которая вечно хочет зла, но творит добро”) – это объяснено уже в первых строках. Как и два прочих, этот мир соткан из добра и зла, и мы явно видим добрые и злые действия демонических сил, немало удивляясь их диалектичности. Второй мир – человеческий. Дотошный, до деталей списанный с натуры мир 20-х годов в Москве тоже диалектичен, да и как иначе: “Люди как люди, только квартирный вопрос их испортил”?! Наконец, третий мир – библейский, или символический. История Иешуа и Пилата, Матфея и Иуды проходит в замедленном библейском ритме – таково художественное свойство этого predetermined мира.

Сковорода предвосхищает многие теософские положения: по его теории, у человека есть два тела и два сердца: тленное и вечное, земное и духовное. Смерть лишает нас лишь тела земного. Но вот что интересно: миры космоса и земли связываются миром символов, то есть библейским миром. И у Булгакова история Христа – Иешуа скрепляет собой роман и всю его сложную и пеструю художественную ткань. Истинным человеком, по учению этого “украинского Сократа”, является тот, в котором духовное преобладает над телесным (внешнее подчинено внутреннему). Данная конструкция и задает этическую меру: облик Мастера таков, каким он есть в духе своем. Исходя из той же логики сосед Маргариты, Николай Иванович, превращается в борова. Счастливый человек, по Сковороде, тот, который нашел на Земле занятие, сообразное его духовной сущности.

По теософским понятиям, у нашего очередного земного воплощения есть цель, которой мы не знаем, и есть возможность ее осуществить: от результата выполнения этой миссии зависит попадание после смерти в тот или иной слой духовной энергии. Свой путь на земле могут выбирать только учителя, достигшие предельного уровня – света. Учитель может сам выбрать свой путь и указать путь своим ученикам. В романе Мастер помогает найти свой путь Ивану Бездомному, который причислил себя к ученикам Мастера.

Совпадает взгляд Сковороды и Булгакова на соответствие потребностей человека и способов их удовлетворения, что названо у Сковороды “неравным равенством”. Стремление к излишествам, по мысли теософов, утяжеляет душу, а тяжелая душа не пробьется за плотный слой “темного” уровня. Итак, если тебе стало плохо, то ты наказан за излишества, кстати, не обязательно реализованные. В булгаковском романе человека наказывают не только за прямое действие, как Степу Лиходеева, но и за намерение – как председателя жилтоварищества Босого или буфетчика Варьете Соколова. Особо показателен знаменитый сеанс черной магии с последующими разоблачениями: здесь прослеживается целая цепь развернутых во времени наказаний за излишества, начиная от лживого конференсье, разоблачения директора Акустической комиссии и кончая исчезновением одежды у легкомысленных дамочек. Так смешное оборачивается философским, да еще и каким глубинным!

В философии и поэзии Сковороды поиски покоя занимают центральное место. Покой есть вечность, вечный дом, данный за “истинную жизнь” героям булгаковского романа. Лунный мост – это тоже глубокий символ, он связывает земное и вечное: это – путь, по которому идет душа в последний раз. Свет уготован святым, “истинному человеку” Сковороды – только покой. Мастер не великий учитель, а истинный человек: его энергетический уровень немного ниже уровня света. В этом покое его дух останавливается, чтобы накопить высокую энергию и приготовиться для новых воплощений, по закону Кармы.

Родственник Сковороды, философ Владимир Соловьев, известен нам все больше через то влияние, которое он оказал на поэзию Блока: образ Прекрасной Дамы навеян соловьевской Вечной Женственностью. В романе Булгакова одна из загадок связана с образом Маргариты. Оказывается, и здесь присутствует теологема вечной женственности: Маргарита эволюционирует в романе от простой красивой земной женщины к женщине вечной, движется к нравственной силе, переродившей ее даже в облике. Лишь обретение духовной сущности дает ей возможность противостоять космическим сатанинским силам и помочь Мастеру. Это зафиксировано как переход во фразе “все обманы исчезли”: перед нами – женщина, не просто по-земному красивая, а “непомерной красоты”, духовно великая женщина. Вот почему таков финал романа: Мастер заслужил свой покой, и его Маргарита может идти с ним рядом.

Соловьев в качестве примера “вечноженственного” начала приводил пушкинскую Татьяну: она отвергла нового Онегина исключительно в силу нравственного долга. Но если бы он узнал образ Маргариты, то взял бы непременно его. Даже само имя – Маргарита – возвращает нас к предшественнику Соловьева, его родственнику Сковороде. “Маргарит” – “жемчуг”, Маргарита – “жемчужина”, но Сковорода трактует слово духовно: его “маргарит” есть жемчужина чистого сердца, драгоценность высоты духа. Женское начало – это вечное начало женщины-прародительницы, духовной энергии мира. Как удивительно соединены мысли русских философов, как удивительно пророчит “сокрытый звук” у Булгакова! Непосвященному не войти в этот храм.

В статье В. Соловьева о творчестве Э. Т. Гофмана есть такая характеристика: его фантастические образы “являются не как привидения из иного чуждого мира, а как другая сторона той же самой действительности”. Эта цитата применима и к образам романа Булгакова. Реальный мир у него оказывается зависимым от фантастического, невидимого. Как и у Гофмана,

мистическое присутствует во всех явлениях жизни, то и дело выступая на свет. Главные герои булгаковского романа живут то в реальности, то в этих фантастических мирах: так открывается диалектика их земного и духовного существования.

Теперь вернемся к самому началу нашей статьи: фантастика, пересекающая реальность, – это же излюбленный прием Гоголя! Он обнаруживается и у Достоевского, образы которого, даже очень реалистические с виду, непременно обнаруживают странное сочетание реального с ирреальным. Если кто в мире и поддержал после Достоевского имидж русских как народа с загадочной душой, так это режиссер А. Тарковский в своих не менее загадочных фильмах. Мало кому известен его литературный вклад, а между тем Тарковский написал великолепный сценарий под названием “Гофманиана”, где его герой – Гофман, живущий в двух мирах одновременно, как и герои всех фильмов Тарковского. Это, скажем так, серьезная линия в развитии приема Гоголя. Но все-таки Гоголь – это прежде всего юмор. Видимо, в самом воздухе России растворена некая художественная свобода, порождающая тот особый тип юмора, который Гоголь обнаружил, а Булгаков довел до блеска. И снова-таки это нашло продолжение в кино, заменившем в эпоху застоя литературу. Григорий Горин порадовал нас гоголевским приемом в фильмах “Тот самый Мюнхгаузен”, “Формула любви (Граф Калиостро)” и “Дом, который построил Свифт”. По поводу последнего персонажа стоит сказать, что творчество Свифта не менее сложное, чем гофмановское, и оно в значительной мере повлияло на Гоголя. Итак, круг замкнулся.

Мы начинали с осмысления творчества Гоголя Бердяевым и обнаружили замечательное свойство великой русской литературы – ее способность пророчить будущее. На пути наших рассуждений обнаружилось, что открывать художественные шифры не так просто, но необычайно увлекательно. Открытие в искусстве закономерностей и связей – это вопрос постижения сущности.